

слѣднаго противъ классическаго направленія. Въ Листѣ уже съ дѣтства сказывалась нелюбовь къ сухой педантической музыкѣ, и по своему впечатлительному характеру, по складу и стремленію своихъ мыслей, онъ былъ вполне подготовленъ къ пониманію и оцѣнкѣ новаго направленія въ искусствѣ. Поэтому неудивительно, что Берліозъ сразу завоевалъ его симпатію и вниманіе первымъ же исполненіемъ своей фантастической симфоніи («Episode de la vie d'un artiste»). Съ горячимъ увлеченіемъ примкнулъ Листъ къ новому направленію и выступилъ на его защиту рядомъ съ Берліозомъ, котораго критика наполовину ненавидѣла, наполовину боялась, музыканты не понимали и не хотѣли признавать и на котораго публика смотрѣла какъ на какой-то курьёзъ.

Раманнъ совершенно вѣрно указываетъ на двоякое значеніе вліянія Берліоза на дальнѣйшую композиторскую дѣятельность Листа. Во-первыхъ — въ музыкально-техническомъ отношеніи, въ силу котораго Листу были открыты смѣлыя оригинальныя берліозовскія гармонизаціи и модуляціи и его яркая, блестящая, разнообразная и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкая, небывалая до того инструментовка. Во-вторыхъ — въ смыслѣ общаго значенія и направленія искусства. Листъ усвоилъ взгляды Берліоза на задачи музыки, его рѣшительное намѣреніе освободить музыкальную форму отъ классическаго традиціоннаго типа и тѣсно связать форму съ поэтическими идеями и наконецъ его стремленіе не только поднять музыкальное искусство до уровня искусства поэтическаго, но даже заставить свою музыку, такъ-сказать, вытекать изъ поэтическихъ идей. Принципы эти съ полною послѣдовательностью Листъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ и не только въ симфоническихъ поэмахъ и ораторіяхъ, но и въ оригинальныхъ фортепіанныхъ пьесахъ. Согласіе во взглядахъ на искусство скоро сблизило Листа съ Берліозомъ, и ихъ взаимныя пріятельскія отношенія не прерывались до самой смерти Берліоза.

Въ еще болѣе близкихъ искренно дружескихъ отношеніяхъ находился Листъ съ Шопеномъ, съ которымъ сошелся вскорѣ послѣ пріѣзда этого послѣдняго въ Парижъ въ концѣ 1831 г. По возрасту они близко подходили другъ къ другу, Шопень былъ на 2½ года старше Листа, характерами же они рѣзко отличались другъ отъ друга и, быть можетъ, именно въ этомъ различіи и заключалась причина ихъ тѣсной дружбы. Характеръ Шопена при всей его мягкости былъ уже вполне сформированъ, законченъ и отличался зрѣлостью и замкнутостью. Натура Листа въ то время дѣлалась все болѣе и болѣе пылкой, страстной, го-